

АНТОЛОГИЯ ЖИЗНИ

*Двадцатый век
Натальи Храмцовой*

16+

Геннадий Дёмочкин
Двадцатый век
Натальи Храмцовой

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Дёмочкин Г. А.

Двадцатый век Натальи Храмцовой / Г. А. Дёмочкин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В основе книги – монолог коренной симбирянки, искусствоведа и педагога Н.С. Храмцовой о событиях её жизни и людях, встретившихся на пути. Трагический XX век глазами русского интеллигента. Рассчитана на широкий круг читателей. В оформлении обложки использована акварель Д. И. Архангельского “Мало-Казанская улица (ул. Красногвардейская)”. Дизайнер С.М. Зенкина.

Антология жизни

Двадцатый век Натальи Храмцовой

Ульяновск, 2015

Отдельные люди аккумулируют национальную культуру. Они выступают как библиотеки и живые лаборатории. Поэтому гибель одного человека – это настоящая национальная трагедия. Потому что он уносит с собой огромную часть культуры. Ибо всё записать и передать нельзя.

Действительно, если выучиться какому-то знанию легче в школе, на лекциях, в крайнем случае, по книгам (если сохранились книги, если их не уничтожили, то можно их прочесть и восстановить знания), то передать культурную традицию можно только от человека к человеку. Культура требует живого общения. Она требует видеть культурного человека, общаться с ним.

А если эта цепь порвана? Если тот, кто мог бы передать, выбыл? То тогда то, что могло бы сделаться быстро, накапливается опять сотнями лет. Поэтому пренебрежение к интеллигентности – вещь очень опасная.

Ю.М. Лотман, академик.

Я с большим удовольствием прочёл книгу «Дорогая Наталья Сергеевна». Жаль, что в ней нет писем самой Натальи Сергеевны. Видимо, эта женщина имеет что-то такое, что заставляло таких интересных людей так перед ней раскрываться.

Эдуард Серов, дирижёр.

Хотелось бы всех поимённо назвать,

Да отняли список, и негде узнать.

Анна Ахматова, «Реквием».

К Читателю

Книга, которую Вы держите в руках, писалась более десяти лет. Столько, сколько мне было отпущено для общения с Натальей Сергеевной Храмцовой, и всё то время, когда её уже нет с нами.

...Морозным январским днём 2002 года я впервые переступил порог дома Натальи Сергеевны. Элеонора Ильинична Денисова рекомендовала мне её как коренную симбирянку, очень образованную, умную женщину, без которой все мои краеведческие изыскания по XX веку будут неполными.

Всё подтвердилось. Профессиональный интерес вскоре перерос в дружбу, и я уже в статусе «любимого журналиста» приводил к Наталье Сергеевне друзей, жену, детей...

Почти всегда прихватывал с собой диктофон и писал-писал-писал, иногда не зная, зачем я это записываю, но всегда зная, что это писать надо.

Когда-то Наталья Сергеевна сказала о А.С. Бутурлине: «Какой великолепный бывает результат, когда хорошая порода сочетается с благородством воспитания». То же самое можно сказать и о ней.

Дочка незауряднейших родителей, надышавшаяся вольным воздухом ленинградской «оттепели» («внутренне люди распрямлялись, убивающий душу страх уходил»), она на долгие годы стала в Ульяновске центром притяжения умных и интересных личностей. Её старшая подруга петербурженка Татьяна Александровна Лебедева написала когда-то Н.С.: «Я очень дорожу этим преимуществом – правом иметь собственное мнение». Этим «имуществом» (превыше всех благ), безусловно, дорожила и Наталья Сергеевна.

Ещё в её «багаже» были друзья и книги. Её любимчики – Ахматова, Цветаева, Пушкин, Сахаров, Окуджава, Городницкий, Растропович, Спиваков, Довлатов, Симонов – составляли её домашний «иконостас».

Пережив две оттепели, хрущёвскую и горбачёвскую, она довольно легко смирилась с нынешним «тревожным временем», полагая, что за выпавшее дважды счастье надо платить. «Платим до сих пор».

Н.С. говорила: «Живу сейчас не в своём времени». Я (хотя и годился ей в сыновья) могу сказать о себе тоже самое. То, чем я занимаюсь уже полтора десятка лет, не очень интересует власть и моих сограждан. Сограждан моих по преимуществу интересуют жрачка, тряпки, машины (ну, теперь ещё заграничные). Власть, похоже, как всегда, озабочена тем, чтобы эту власть подольше из рук не выпустить.

Не знаю точно, верила ли Н.С., уходя, что в России ещё всё переменится к лучшему. Во всяком случае, она не жалела, что у неё нет детей. Верю ли я? А как жить без веры? Верю и надеюсь, что когда-нибудь такие книги, как эта, найдут самого широкого читателя и какой-нибудь дальний потомок скажет нам с Н.С. своё «потомское» спасибо.

Искренне Ваш, Геннадий Дёмочкин.

Фото НС

– Из предков по маминной линии я знаю только до прадеда. В Симбирскую семинарию из чувашской деревни Казанской губернии привезли двух мальчишек в лаптях. Отец попросил за сыновей: «Больно парни башковитые, возьмите учиться». Семинарский начальник спрашивает: «Как фамилия?» – «У нас в деревне все Пантиковы». Но начальству фамилия не понравилась. Полистал он свою книжку и сказал: «Будут Арнольдовы». И определил братьев учиться. Вот один из этих мальчишек и был мой прадед – Андрей Ксенофонтович Арнольдов.

Служил он в женском Спасском монастыре в Симбирске. В каком-то послужном списке я прочла о прадеде: награждён каким-то поясом и камилавкой. И мне было безумно интересно узнать, что он, оказывается, «обратил в христианскую веру трёх татар и двух иудеев».

Дед Фёдор Благовидов отбывал службу священником в Шиловке. Именно отбывал, потому что был отправлен в приход вопреки своей воле, деваться некуда, раз в семинарии учился. Мама рассказывала, что они, дети, догадывались: их отец – священник неверующий и сами выросли атеистами.

О прадедушке по отцовской линии знаю только одно: он пришёл сюда, кажется, из Тульской губернии. Потому что дед, когда пришло время жениться, сказал: «Выберу себе самую толстую девку в хороводе». И выбирал он её себе в Тульской деревне. Эта «девка» родила ему потом девятнадцать детей (до взрослого возраста дожили семеро: два сына и пять дочерей).

Когда рожала последнюю дочь, роды были трудные, послали за доктором Шóстакон: «Батюшка доктор, барыня рожает!» Доктор пытался вразумить прислугу: «Ты чего-то путаешь... Не может твоя барыня рожать, лет ей уже много. По науке – не может». – «Батюшка барин, без науки рожает!»

Было бабушке тогда, по-моему, 54 года.

Мой папа Сергей Павлович Храмцов родился в 1890 году и был тринадцатым ребёнком в семье. День рождения у него 8 марта (правда по старому стилю). Но праздновали мы его день рождения в женский день. Мама ворчала, говорила: «Ну раз так хочется... Да и склонность есть к «этому делу», так что ладно...».

Когда-то папа написал:

Родился я в Молочном переулке
под звук трубы,
под грохот барабана...

Это воспоминание о том, что недалеко от Молочного переуллка находились тюрьма и казарма. На Ярмарочной площади (нынешняя улица Марата) солдаты занимались шагистикой под бой барабана и звуки трубы.

Родня папы (тётки и сёстры) очень не одобряла его, потому что он был с большевиками и потому что дом отца – купца второй гильдии Павла Константиновича Храмцова – он отдал советской власти. (И очень разумно, по-моему, сделал).

Храмцовский дом (полутора этажный) стоял на Старом Венце напротив архиерейского дома. Обоих этих домов сейчас уже нет. (Кстати, их не выгоняли, только сильно «уплотнили» и дом стал государственным).

О занятиях своего отца папа писал в документах: «Домовладение. Торговля». В доме на Венце жила семья, а на улице Труда (бывшая Сенная, а сейчас Дмитрия Ульянова) до сих пор стоит красный кирпичный дом. Там в советское время была амбулатория для проходящих больных. А раньше это был дом Храмцовых, который они сдавали. Кстати, этот дом построен по проекту архитектора Шодэ.

Шодэ Август Августович (1864-1918), архитектор. В Симбирске работал и жил с конца XIX в. до 1918. В официальной должности не состоял, занимался частной практикой. По общему признанию широких общественных кругов Симбирска Шодэ считался талантливым местным архитектором.

Среди зданий, построенных по его проектам, выделяются Дворянский пансион (1903, ныне старый корпус педагогического университета); Дом купца Сачкова (1909, ныне здание Ульяновской епархии); дом барона Х.Г. Штемпеля (нач. XX в., музей современного изобразительного искусства); дом врача П.С. Петрова (1911), Государственный банк (1910-е, используемый ныне как театр кукол), Дом-памятник И.А. Гончарову (1913-1916, в нём размещаются краеведский и художественный музеи) и другие.

Б.В. Аржанцев.

Ульяновская-Симбирская энциклопедия, том II, 2004 г.

– Папа ещё рассказывал, что будто бы верхний этаж здания на углу Дворцовой и Гончаровской (где сейчас в подвале пивная) тоже принадлежал их семье. Там были номера, их сдавали. Папа часто с усмешкой говорил: «Я сомневаюсь, что мой добродетельный отец был бы доволен, узнай он, чем там люди занимаются».

После смерти деда род начал очень сильно беднеть. Потому что руководил всем зять, по-моему, не слишком умный человек (по намёкам отца). Больно-то он его не ругал, потому что ему бы, как сыну и наследнику, надо было всем заниматься.

У деда была лесоторговля, лесной двор, где-то в районе пристаней. Очевидно, и дом-то поэтому был на Старом Венце – можно было пешком спускаться. (А можно было на извозчике по «восьмёрке»).

Дед был, судя по рассказам отца, интересным человеком. Во-первых, как купец обладал таким авторитетом, что компаньоны ему верили на слово. Чтобы заключить договор с Храмцовым, достаточно было ударить по рукам, и дело делалось.

Во-вторых, любимый поэт – Некрасов. Выписывался некрасовский журнал. И дед накануне смерти просил моего отца: «Почитай мне вот это стихотворение:

«Разбиты все привязанности. Разум давно вступил в суровые права...»

Некрасов Николай Алексеевич (1821-1877), русский поэт, литературный деятель.

«Разбиты все привязанности, разум...»

А.Н. Плещееву

Разбиты все привязанности, разум

Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решён: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалеко...
Зачем же ты, о, сердце! Не миришься
С своей судьбой?.. О чём твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день – сдаём могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!
1874

– Читал дедушка Адама Смита, вернее, пробовал читать. Карла Маркса читал в изложении Каутского.

Каутский Карл (1854-1938), немецкий историк, экономист, философ и публицист, один из лидеров и теоретиков II Интернационала. В 80-х гг. XIX – нач. XX вв. написал ряд марксистских работ. Работа Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», опубликованная в 1886 году, и просмотренная Ф. Энгельсом в рукописи, является одним из самых известных курсов политэкономии.

С наступлением Первой мировой войны занял пацифистскую позицию. Октябрьскую революцию в России встретил враждебно.

Хронос.

– Мне когда-то дочка поварихи Храмцовых рассказывала: «Барыня-то скупа была, а барина мы о-о-очень любили».

Бабушка Екатерина Ивановна была грамотная, но кроме французских романов (и то в русском переводе) ничего не читала. Да ей, собственно, было и некогда – всё время рожала. У них была няня, сначала одна, а потом взяли девочку, из деревни, очень хорошенькую. И с обязательством – выдать её замуж.

С тех пор я знаю, сколько самых разных предметов должно быть в самом бедном приданом. И с тех пор этого придерживаюсь. У меня вот шесть комплектов постельного белья. В комплект входило: пододеяльник, простыня, две подушки с наволочками. Таких комплектов должно было быть шесть, то есть полдюжины. Это ещё очень бедное приданое.

Дальше: салоп (это как шуба, может быть и на дорогом, и на дешёвом меху), жакет (вместо осеннего пальто), сколько-то платьев, оренбургский платок, какая-то шапочка, сколько-то нижних юбок, сколько-то верхних, сколько-то кофточек. Естественно, панталончики, двенадцать штук.

Этот список нянька заставила писать папу, когда ему было 13 лет, чтобы он не крутился под ногами. Он написал и запомнил. А потрясла его я. Когда он сказал: «Опять на верёвке рубашка висит. Твоя что ли?» Я говорю: «Моя». – «Так ты же её недавно стирала...» – «Папочка, так ведь она у меня одна». – «Как одна?!»

Это был первый послевоенный год. У меня была одна нижняя рубашка, и та короткая, я из неё выросла. Тогда-то он мне и стал рассказывать про нянькино приданое. С тех пор у меня всегда шесть ночных рубашек. (Смеётся).

А ту молодую няньку дедушка выдал за какого-то преуспевающего приказчика.

...Когда в 1917-м к лесному двору пришли крестьяне, чтобы рассчитаться с эксплуататором, рабочие встали стеной: «Нашего не трогать».

Так что сёстры ужасно злились на отца за то, что он отдал дом. Причём, со злости они ему не дали не только никаких вещей (на это было наплевать), отец ужасно хотел старинные журналы времён редакторства Некрасова. Не отдали. Сожгли, но не отдали. Отдали только те предметы, которые точно не принадлежали им. Моя бабушка когда-то подарила зингеровскую машину (на которой я до сих пор шью) кому-то из дочерей, но никто из них хорошо не шил. Вот они отдали отцу эту машину, трюмо (которое у меня в спальне) и немецкие настенные часы (которые мне надо починить).

Чтобы объяснить, как в моей жизни возник Александр Сергеевич Бутурлин, надо начать издалека. Моими любимыми историческими героями были, конечно, декабристы. И когда в Петропавловской крепости я посмотрела выставку «Портреты декабристов», это ещё более утвердило меня: прекраснее этих русских людей (пусть ошибающихся!) на свете не было.

Но однажды в Третьяковской галерее я увидела портрет человека следующего поколения: он был чуть младше декабристов. Он не был романтиком. Этот человек должен был, не пороча чести, служить Отечеству. Я смотрела и видела, что это лицо удивительно честного человека. Автор рисунка – гений русского портрета Орест Кипренский. А звали этого молодого человека Сергей Петрович Бутурлин. И вдруг моя приятельница Ирина Абрахина, биолог, работающая в Ульяновской охотоинспекции, говорит: «Я вот тут еду в Москву, в командировку, к Бутурлину обязательно зайду. У него отец был замечательный учёный, орнитолог». Я ей говорю: «Ир, спроси, **своего** Бутурлина про **моего** Бутурлина. Может быть, они имеют друг к другу какое-то отношение». И показала репродукцию в книге. Ирина поехала в Москву, встретилась с Бутурлиным, задала мой вопрос и тут же получила ответ: «Это мой прадед». Вот, это начало.

Когда Ира привезла из Москвы фотографию очень милого, интеллигентного, по-своему красивого человека (Александра Сергеевича Бутурлина), у меня было двойственное впечатление. С одной стороны, он мне очень понравился, а с другой – я всё-таки ждала большего, чего-то от прадеда, какого-то блеска... Нет, этого не было.

И я даже не помню, с чего именно началась наша переписка. Но во всяком случае Александр Сергеевич, поняв, что это у меня не каприз, что меня действительно интересует этот человек (людьми я всегда как-то интересовалась, и живыми, и давно ушедшими), он мне стал писать. Очень подробно.

А потом я увидела фотографию Сергея Петровича Бутурлина в старости. Я угадала: он действительно был слугой Отечества и батюшки Царя. Он предлагал очень интересные проекты строительства железных дорог. (Это не были маниловские мечты, они осуществлялись). Это было действительно другое поколение. Не худшее. И чем больше я узнавала Александра Сергеевича Бутурлина, тем больше видела, какой великолепный бывает результат, когда хорошая порода сочетается с благородством воспитания. Поэтому когда я получаю письма от Бутурлина, я не только радуюсь (потому что они всегда интересны), но и горжусь.

А когда знакомые меня спрашивают: «В каких отношениях ты с Бутурлиным?», я обыкновенно отвечаю: «Я влюблена в его прадедушку».

Мы переписывались с Александром Сергеевичем более двадцати лет. Его письма ко мне (частично) вошли в книгу «Дорогая, Наталья Сергеевна», а вот «мои – ему» мне переслала недавно его дочь Ирина после того, как Александра Сергеевича не стало. Причём, переписку он прекратил на год с лишним раньше: прислал последнее письмо, где благодарил за годы

дружбы и объяснялся «высоким стилем», что по состоянию здоровья прекращает переписку. Обречься можно было.

Поступайте с этими письмами так, как посчитаете нужным.

12 сентября 1986 года. Наталья Сергеевна – А.С. Бутурлину в Москву.

Дорогой Александр Сергеевич!

Большое спасибо Вам за письмо и поздравление. Я люблю день своих именин – м.б. потому, что 8 сентября – один из дней ещё красивой и тёплой золотой осени. Правда, я иногда забываю о дне своего ангела – спасибо, что Вы поздравили (...)

У меня прежний режим дня и прежние заботы; старею и толстею, мама здорова физически (давление 130/80) и говорит странные вещи; вроде того, что в Ульяновске революция; кот Кузя сегодня поймал синичку, которая залетела в комнату. Я считала, что он – дурак, а он просто гнусный кошачий браконьер. Синичка, кажется, осталась жива.

(...) В «Ниве» (№ 3, 1986) в этюде (так и называется рубрика) И. Толстого «Золотой мост» есть строки о «Войне и мире»:

«Для понимания общественной атмосферы, воспроизводимой Толстым, уместно обратиться к «Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», написанной Д. Бутурлиным и опубликованной в переводе с французского в Петербурге к двадцатипятилетней годовщине Отечественной войны. О деятельности Кутузова в ней было сказано: «Муж... наиболее заслуживающий признательность Отечества, без всякого противоречия есть Фельд-маршал Князь Голенцев-Кутузов. Глубокой и постоянной мудрости его поступков Россия обязана скорым избавлением своим». И далее: «...Бессмертие уже началось для имени его, и потомство, не столь пристрастное, как современники, не откажет дать ему место, за услуги, оказанные Отечеству, возле Пожарского, а за военные дарования, возле Суворова».

Кто этот Д. Бутурлин, который так красиво и верно писал о роли Кутузова? Кем он приходится Вам и моему любимому Сергею Петровичу?

(...) Теперь о Ваших литературных впечатлениях. Жаль, что «Пожар» не произвёл на Вас и Галину Павловну большого впечатления. В нём такая пронзительная боль за человека нашего времени и стыд за это наше время... А «Обрыв», конечно, прекрасно. Я перечитывала его лет десять назад – и тоже с огромным удовольствием. Вы правы, надо перечитывать – давно **пора**, а я всё что-то суечусь (так говорят?), что-то боюсь пропустить, и порой читаю такую бульварную гадость, вроде Пикуля, что самой стыдно. Прочитала я его «У последней черты». Удручающе-гнусно. Образованный монах Олиодор, министр Столыпин, вельможи и фрейлины разговаривают как трактирная шпана. К тому же автор ещё и антисемит...

Я тоже стала читать много медленнее, чем раньше, и неважно запоминаю прочитанное, – раньше помнила хорошо и долго.

Спать я стала лучше, но днём часто не удаётся даже прилечь, мама то зовёт, то стучит, прихожу – спрашивает: «А куда ушли кошки?» или что-то вроде: «А мы обедали?...»

– Папа был любимцем своей мамы, потому что мальчиков в живых осталось двое: Сергей и Шурка, младший.

Судьбу Сергея определили сразу. После окончания двух классов приходского училища отправили не в гимназию, как, скажем, барышень, а в Симбирское коммерческое училище. Потому что он должен был принять дело отца. Но если бы они повнимательнее пригляделись к старшему сыну, то поняли бы: «деловой» человек из него не может получиться, это типичный гуманитарий... С восьми лет, несмотря на насмешки взрослых «серьёзных людей» пишет стихи. Ну, и, конечно, шахматы – страсть всей жизни.

Один раз его оставили в училище без обеда. Почему? Потому что опоздал, ночевал под горой у своего приятеля Аксинского. А почему там ночевал? Потому что сказал: будем гото-

виться к контрольной по математике, а на самом деле в шахматы играли. Пришли на уроки бледные, сонные. Но в шахматы продолжали играть и в классе – забравшись под парту.

«Мат в три хода! – крикнул Аксинский. «Не три, а четыре часа в карцер», – сказал немец-учитель. Но как было мальчиков оставить без обеда? Жена директора училища их пожалела и велела принести обед прямо в карцер.

Насчёт веры папочка был так себе. Я его спрашивала: «Пап, вот ты сейчас в Бога не веришь. Но ведь когда-то же ты верил?» – «Это было очень давно... А потом ведь об меня отец зонтик сломал...»

Во время революции 1905 года папа в своём училище возглавлял забастовочный комитет. Тем не менее училище закончил довольно прилично и в 1908 году поступил в Петербургский политехнический институт – имени Петра Великого он тогда именовался. Учился на экономическом факультете, хотя история ему всегда нравилась гораздо больше. (По дням и по фразам вождей знал всю французскую революцию).

Потом он был ещё и пацифистом. Он не то чтобы боялся, что его возьмут в армию (к армии он был не годен по здоровью: плохое зрение и плоскостопие), это были его убеждения.

В Петербурге папа с товарищами участвовали в какой-то студенческой забастовке. Их изловили, когда они пошли в редакцию какой-то газеты вместе со студентом по фамилии Соловейчик. (Они там подрабатывали мелкими заметками). Их там арестовали – и в участок. И вот «проповедь» полицейского, которую папа запомнил точно. «Та-ак, Соловейчик... (Имя-отчество типично еврейские)... Вот смотрите, вы еврей, вы получаете высшее образование. Но вы представьте: а если победят ваши, будут ли они так же снисходительны?

Сергей Павлович (это он уже к папе), если победят ваши, кого из нас они повесят первым: вас, сына купца, или меня, полицейского? Подумайте об этом».

И отпустил их обоих. Это была Столыпинская реакция.

Когда были студенческие каникулы, и в Симбирск съезжалась молодёжь из разных вузов, то здесь устраивались благотворительные концерты и балы в пользу нуждающихся студентов. В таких концертах папа принимал участие в качестве чтеца чужих и собственных стихов.

Недавно наш краевед Сергей Петров раскопал афишку одного такого концерта и позволил мне: «А вы знаете, что ваш папа выступал вместе с актрисой Сонечкой Голлидэй, музой Марины Цветаевой?»

В Петербурге (или, может быть, уже в Петрограде) папа написал стихотворение «Модистка Нина», которое пошло в народ и особенно нравилось студентам. Слова эти даже пытались петь и что самое забавное, в пивных, где было известно, что это автор «Модистки Нины» отца бесплатно поили пивом.

Сергей Храмцов

Модистка Нина

Товарищи! Мы счастье где-то ищем,

А ведь счастье в юности и в нас.

В ту весну я был студентом нищим

И вздыхал о ласке синих глаз.

Помню грязь и холод мезонина,

Груды лекций, догмы и... апрель,

А внизу жила модистка Нина,

У которой голос как свирель.

Правда, я осиливал Бэкона,

А она читала по складам,

Только, верьте, сердцу нет закона, –

Я решил – экзаменов не сдам!
И любовь почуяв, как заразу,
Понял я – нельзя идти назад.
Я влюбился бешено и сразу
В Нинин голос, талию и взгляд.
Обоюдно. Бегали, встречались
Каждый день, всю ночь и до утра,
Ревновали, дулись, целовались...
Золотая, нежная пора!
Не в пальто, а в продранной накидке,
Без калош и денег ни гроша,
Ждёшь её, волнуясь у калитки,
И поёт счастливая душа!
Ждёшь, глядишь налево и направо,
А придёт, обнимет и пошли!..
Забывал я догмы и уставы,
А она иголки и рубли.
Всё прошло. За стол и за квартиру
Мне судьба урок подогнала,
Нина жить к какому-то банкиру
Для сестёр и матери пошла.
И с тех пор вот, сытый и довольный,
Я встречаю каждую весну.
А в душе как будто что-то больно,
Что-то жаль, чего уж не верну.
Так мы все волнуемся и ищем
То, что нас согрело и ушло.
Товарищи! Как радостно быть нищим,
Если в сердце нежно и тепло.

3 мая 1994 года. Наталья Сергеевна – А.С. Бутурлину в Москву.

Дорогой Александр Сергеевич!

Пишу Вам в Страстную пятницу, опаздываю поздравить, правда, говорят, можно всю Святую неделю. Долго молчала, потому что попросту не о чём было.

Вы молодец, вот статью написали, – не сомневаюсь, что хорошую, уверяю, что для моей веры есть очень серьёзные основания (...)

Я согласна с Вами и с О.Е. Бородиной, что дела энтузиастов, в том числе и молодых, как говорится, «на культурном фронте» внушают надежды, что ещё не всё потеряно. Только ведь их так мало, и не их поддерживает так называемое «общественное мнение», с его афоризмами: «хочешь жить – умей вертеться», «а что я с этого буду иметь?» и пр.

О политике писать и думать противно и страшно. Президентская команда снесла яичко – «Согласие», и все закудахтали. Ну какое может быть согласие с фашистами, коммунистами и уголовниками?

Читаю С. Довлатова – московская приятельница подарила трёхтомник – очень талантливый, остроумный, увы, рано умерший писатель из наших эмигрантов «третьей войны».

С большим интересом прочитала сборник статей и воспоминаний о Ленине: «Вождь, которого мы не знали». Нет, всё-таки не даром я «питаю слабость» к А.М. Горькому – там у него замечательная, умная, искренняя статья. А потом дошёл до прославления Соловков и Беломорканала. Жалко.

Очень мерзок Солоухин – и цитаты из Ленина все убийственные и правильные, и верно вроде всё, – только пахнет злобным национализмом (...)

Настроение у меня совсем не такое, каким бы должно быть накануне великого праздника. Дело в том, что медленно и мучительно умирает мой старый кот – ему через месяц 17 лет. Умирает, очевидно, от рака, у него под горлышком опухоль. Не может есть, с трудом пьёт. Кормлю его яйцом и молоком из пипетки, боюсь причинить боль, – его мучаю и сама мучаюсь. Но знаю, что теперь живодёры-ветеринары не усыпляют – наверное, экономят снотворное, а колят какую-то гадость – и бедные божьи твари умирают в муках.

Вот на ночь и читаешь Сименона, чтобы ни о чём не думать. Если бы не болезнь моего бедного Кузи, жила бы я наредкость беспечно, как в молодости иногда бывало, – одним днём.

Пора кормить моего больного, потому заканчиваю письмо и жду вестей от Вас.

Ваша Н. Храмцова.

– Проучившись года четыре в Петербурге, папа поехал в Москву и поступил в коммерческий институт. Поехал туда от первой мировой войны, это, стало быть, 1914-й.

Мои будущие родители познакомились на балу Симбирского студенческого землячества. Мама рассказывала, что студенты жили трудно и подрабатывали – кто как мог. Мой отец, скажем, какие-то заметки в газеты писал, репортажи коротенькие. А Костя Кабанов, будущий симбирский археолог, – он изображал море в Мариинском театре, нагишом бегал под шелками на сцене, «делал море».

Я всё маму спрашивала: «А Костя за тобой ухаживал?» – «Да». – «А почему ты за него замуж не пошла?» – «Ну потому что в отца твоего влюбилась». Я говорю: «Мам, а ты бы взяла и вышла замуж за Костю. А папу взяла бы в любовники». – «Я тебя воспитала, а ты такие вещи говоришь! Как тебе не стыдно!»

Кабанов Константин Андреевич (1894, Симбирск – 1982, Москва), геолог, палеонтолог. Окончил Петроградский университет. Много лет посвятил изучению нашего края, работал в геологических партиях; с 1944 по 1950 в Ульяновском областном краеведческом музее. Сделал ряд открытий в области палеонтологии, собрал ценную коллекцию из мезозойских и палеогеновых отложений Ульяновской области, которая насчитывает более 18 тыс. останков ископаемых организмов (...)

Е.Г. Чернова.

Ульяновская-Симбирская энциклопедия, том I, 2000 г.

– Свои стихи папа почти никогда не читал, относился к ним иронически и насмешливо, цитировал слова генерала и коллекционера Жиркевича: «Что ж это вы, Сергей Павлович, порядочный человек, а пишете, как Демьян Бедный?»

Папа читал охотно лишь свои стихи, которые принадлежали его студенческой молодости.

Прямо съ Волги, рѣкъ царицы,
Гдѣ наивны острова,
Мы пришли къ тебѣ учиться, (Старорусский символ «Ять» вставить)
Прапрабабушка Москва.
Наши школы, гдѣ глаголы
Навѣвають лѣнь и сонъ,
Наши доли, наши сѣла
Низкій шлють тебѣ поклонъ.

Мы веселою оравой

Вдоль по улицамъ поидемъ:
Всё сіяеть – слѣва, справа,
Электрическимъ огнемъ.

Ты звони, звони, звонница,
Переливный перезвонъ;
Прямо съ Волги, рѣкъ царицы,
Мы приѣхали учиться,
Отряхнувши лѣнь и сонъ.

Поклонясь Москвы святынямъ,
Всѣхъ обнимемъ, всё пойдемъ!
Мы царь-колоколь поднимемъ,
Мы царь-пушку повернемъ.

Съ нами мощь родного края,
Съ нами пѣсни мужика:
– "Эхъ, ты, Волга, мать родная,
Волга – русская рѣка".
7 сентября 1915 года.

Коммерческий институт папа оканчивает в 1918-м. Между делом успевает жениться. Очень милая была девушка Маруся, Мария Степановна Макарова, она гораздо больше подходила папе, чем потом мама.

Не уверена, что Маруся могла бы спасти папу, как это сделала потом мама (он был человеком вне быта). Маруся была ближе душевно, легче по характеру, чем была мама. Судя по тому, что папа рассказывал о ней.

Этот брак был удачный. Сначала они жили в Москве, он ждал, пока Маруся доучится на каких-то своих курсах (по-моему, больше чем машинисткой в редакции у отца она никем не стала). Была она донская казачка, характер у неё был. Потерялась её фотография, она лежала у отца где-то в книгах. Думаю, что мама, наверное, ревновала.

Мама только что кончила Высшие женские Бесстужевские курсы (причём, их выпустили досрочно, в 1917-м году, они должны были кончать в середине лета, а их – от греха подальше – распустили то ли в марте, то ли в феврале).

Она вернулась домой в Симбирск, а потом попала в Карсун – наверное, потому что там было место – в реальном училище. Может быть, ещё и потому что там жили её тётка с мужем.

И вот мама рассказывала: «Иду я с занятий и вижу на тротуаре застреленную женщину. Я добежала домой еле живая...»

Это конец 1917-го, начало 18-го года.

9 августа 1996 года. Наталья Сергеевна – А.С. Бутурлину в Подмосковьё.

(...) Сейчас смотрела коронавание царя Бориса, – лучше всех был красноречивый пройдоха-патриарх, но церемония была, Господи, до чего же некстати в нищей нашей гибнущей стране. Когда я усилием воли отгораживаюсь от всего, не думаю о том, что делается в Приморье, Воркуте, Грозном и даже о том, когда отдадут мою августовскую пенсию, – как хорошо, спокойно, даже весело в моём «маленьком мире» – с зелёными островками городской провинциальной природы, с книгами, с немногочисленными друзьями, с письмами, которые ещё иногда появляются в почтовом ящике (...)

Читала мемуары – увлечённо, может быть отчасти потому, что старость – это вообще время воспоминаний. Прочитала две книги Л. Разгона, «Легендарную Ордынку» Ардовых-Баталова, блестящий и злой «Курсив мой» Н. Берберовой. А теперь взялась за М. Алданова, беру у соседки, у неё 6-томник. До чего же хорошо! Дочитываю его тетралогию «Мыслитель» (от «Девятого термидора» до «Св. Елены») – там много переключек с 1917 и постреволюционными годами. Но мог ли догадываться Алданов, что «мостики» его мыслей, аналогий, парадоксов так точно перекинутся в нашу страну и время? Поразительно!

(...) А ещё меня недавно снимали для ТВ. Для цикла «Интеллигенция в провинции». Я себя с большой натяжкой отношу к этой благородной «прослойке» – недостойна. Но когда они сняли для этого цикла одного махрового дурака, я согласилась. Только режиссёрша уж очень восторженна и непрофессиональна, не знаю, что получится (...)

– У нас было два неудачных царя подряд. При первом было одно достоинство – войн не было. Но зато уж так душили (своих же!), ну просто без жалости.

А потом к власти пришёл типичный подкаблучник, который совершенно не был готов стать царём. Насчёт коньячку выпить – это пожалуйста. Алекс он свою любил, детей своих любил. Был вообще порядочный человек. Но вот правителем и монархом он не был.

И первое, чего ему не надо было делать – это ввязываться в Первую мировую войну. У других стран было много причин, чтобы втянуть Россию в войну – хотя бы с точки зрения устранения конкурента. И Николай поддался на эту провокацию.

А такие ребята, как мой папа они просто эмоционально увлеклись идеями перемен, социального равенства, справедливости. А несправедливости всегда хватало.

Причём, у нас ещё какая-то трагическая обречённость. После Петра I у нас первый хороший царь был – Александр II. Человек, который стремился и осуществлял реформы, на него – семь покушений. Седьмое – сбылось. И то, что государя превратили в загнанного зайца – общество приняло.

У нас почему-то всегда реформы принимают форму революции. А если начинается медленное вхождение в реформу, то непременно этого батюшку-царя убьют.

Парадоксально, но нам всегда больше нравятся те, кто нас гнобит и зажимает. «Лобное место – это очень «наше» место, нам обязательно надо, чтобы кому-нибудь головы рубили.

Заполняя в 1926 году анкету послужного списка, папа на вопрос «Принимал ли участие в Октябрьском перевороте и где» напишет: «Активного участия против белогвардейских юнкеров в Москве не принимал». На вопрос «Подвергался ли наказаниям за политическую работу?» ответит: «Отдельвался пустьками».

После Москвы отец какое-то время работал в Подмоскovie, в очень известной детской колонии, так называемой «школе Шацкого». (Может быть, даже до женитьбы на Марусе).

Шацкий Станислав Теофилович (1878-1934), русский и советский педагог. Происходил из дворянской семьи. Учился в Московском университете, Петровской (Тимирязевской сельскохозяйственной академии) и в Московской консерватории по классу вокала.

Педагогическую деятельность Шацкий начал с попытки создания частной школы, в чём ему было отказано, поэтому в 1905 году среди детей и подростков рабочих окраин Москвы он вместе с архитектором А.У. Зеленко и другими педагогами создаёт первые в России детские клубы. В 1906 году организовал общество «Сетлемент» («Поселение» – с англ.), которое в 1908 году было закрыто полицией за пропаганду социализма среди детей, а сам Шацкий арестован. С 1909 года руководит обществом «Детский труд и отдых». В 1911 году общество открыло детскую летнюю трудовую колонию «Бодрая жизнь» (на территории современного города Обнинска). Основой жизни в колонии был физический труд: приготовление пищи, самообслуживание, благоустройство, работа в огороде, в саду, в поле, на скотном дворе. Свободное время

отводилось играм, чтению, беседам, постановкам спектаклей-импровизаций, занятиям музыкой, пением (...) Первые внешкольные учреждения во многом выполняли компенсирующую функцию – занятия в этих учреждениях восполняли отсутствие у детей школьного образования (...)

По материалам википедии.

– Папа ещё с подростковых лет был дружен с литератором и поэтом Георгием Масловым (у нас в семье он назывался Юра Маслов). Папа рассказывал, что Маслов бежал с белыми и умер где-то в Сибири от сыпняка.

Интересно: бежал с белыми, здесь его никто не знал, не упоминал. А я в Ленинграде любила походить по букинистическим, и вот как-то заглянула в такой магазинчик на Среднем проспекте на Васильевском. И лежит: Георгий Маслов, «Аврора Шернваль», его поэма. Я спрашиваю: «Сколько стоит?» – То ли 2.50, то ли 3.50. То есть совсем никакие деньги. Купила.

Причём, когда папа читал стихи Юры Маслова, мама говорила: «Ну что ты эту гадость читаешь?!» Папины стихи про страсть были жалким лепетом по сравнению со стихами Маслова.

Георгий Маслов

Мы дышим предчувствием снега
И первых морозов.
Осенней листвы
Золотая колыхается пена.
А небо пустынно и Запад
Томительно розов,
Как нежные губы, что тронуты
Краской Дорэна.
И тихая осень полей
в освещенье заката,
И душные волосы пахнут
о скошенном сене.
С зелёной земли,
где друг друга любили когда-то
Мы снова вернулись сюда,
неразлучные тени...
Рукопись (Из архива С.П. Храмцова).

Маслов Георгий Владимирович (1895-1920), поэт, литературовед-пушкинист, родственник З.Н. Гиппиус. В 1913 с серебряной медалью окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию, в которую перевёлся из Самарской в 1908. В марте 1917, не окончив курса в С. Петербургском университете, вместе с женой, поэтессой Е.М. Тагер (1895-1964) приехал в Симбирск и принял активное участие в организации выборов в Учредительное собрание, в 1918 – примкнул к белочешскому мятежу. Служил в Добровольческой армии Колчака. Умер во время эпидемии тифа. Главное произведение Маслова – поэма «Аврора» – посвящённая А. Шернваль (жене сына Н.М. Карамзина), опубликована в журнале «Юность», 1994, № 5.

С.Б. Петров.

Ульяновская-Симбирская энциклопедия, том I, 2000 г.

29 октября 1996 года. Наталья Сергеевна – А.С. Бутурлину в Подмосковье.

(...) За осень прочитала несколько хороших книг, – главным образом, мемуаров. Недавно шли косяком великолепные передачи и фильмы («Тень», «В четверг и больше никогда» с О. Далем, Смоктуновским, молодыми Ниловой и А. Вертинской, с дивным Гердтом). И передачи, посвящённые З.Е. Гердту – такая радость! И грусть... Прекрасное, любимое, высокое так хрупко. То же переживание-восхищение, тревога и печаль – когда видишь Д.С. Лихачёва или Булата Окуджаву.

Книги, TV (опять вспоминаю Радзинского!), домашняя круговерть помогают на время заслониться от всяческого безобразия в верхах (...)

Не буду. Не могу о том, что Эрмитаж не топят, что учёные и писатели бегут, библиотеки гибнут, а театры продаются. Никому не нужны Слово, Эрмитаж, библиотеки, театры, Лихачёв и Гердт – ни на верхах, ни быдлу внизу. Одним нужны шантаны, казино и «похабель» эстрады (это о ней так Г. Вишневская выражается), другим – жратва, шмотки и сериалы.

А мне страшно, бывший музейщик, я знаю, что может быть с картинами, перезимовавшими в сырости и холоде. С книгами, впрочем, тоже (...)

– В июне 1918-го отец с Марусей приехали из Москвы в Симбирск. Жалею, что этого его стихотворения не знаю полностью. Уж очень хороша характеристика города:

...Будет слякоть, будет грязь,
И по улицам Симбирска
Я пойду, не торопясь...

Вся характеристика провинциального города: никуда торопиться не надо. И слякоть, и грязь, и никакая революция не спасает. (Кстати, папа никогда не стеснялся своей провинциальности, он её даже всячески подчёркивал).

Это город очень неторопливый. Иногда это меня поражает в жителях. Бабушки у дома активно обсуждают, выносить Ленина из Мавзолея или не выносить. Пьяница дядя Юра стоит, курит. Долго молчит, потом говорит: «Ня тронь – ляж-и-ит»...

Ну блеск! И это очень по-ульяновски.

В этом городе очень неторопливый ритм жизни. Некоторое время я жила в Суздале. Вроде религиозный небольшой городок, но там жизнь была более интенсивна, чем в Ульяновске.

Сейчас и у нас привыкают к новому ритму жизни, больше суетятся. К сожалению, при этом многое утрачивают. Потому что мыслей у симбирян всегда было не густо. И те, которые шевелились, они, медленно развиваясь, приходили к какому-то логическому концу. Сейчас, по-моему, никто ни к какому логическому концу в мыслях не приходит.

Когда папа приехал в Симбирск, тут поэтов было довольно много. Здесь был явно талантливый молодой поэт Андрей Розов. Его, конечно же, посадили, он был анархист.

Сам папа стихи писал, по-моему, очень слабые, хотя понимал в них толк и знал много наизусть. Не мог писать экспромты, хотя поэты тогда это любили – развлечение такое поэтическое. Папа говорил, что из мастеров экспромтов лучше всех был такой Пётр Бунаков, пьяница жуткий, он к нам несколько раз приходил (он потом переехал в Самару).

Папе за остроумие они разрешали только задавать темы для экспромтов. Был здесь партийный деятель, имевший какое-то отношение к литературе – Алексеев – какой-то очень нелепой наружности. (В чём состояла «нелепость наружности» отец мне описать не смог).

И вот папа задаёт тему: «Как был создан Алексеев?» Бунаков, едва дослушав вопрос, выдал:

Господь, дерьмо своё просеяв,
Сказал: «Да будет Алексеев!»

Вот такие шуточки с начальниками тогда ещё были возможны. Потом это уже стало невозможным.

От Бунакова у меня остался маленький сборничек, времён Отечественной войны, антифашистский. Он папе его подарил. А Гражданская война занесла сюда очень интересного поэта, которого все теперь знают только потому что Есенина ему свою предсмертную записку отдал: Вольф Эрлих. У меня его сборники с автографами есть.

К тому времени... Если раньше папа был просто аполитичен (правда, принимал участие в студенческих волнениях), то тут он стал истинной веры большевиком. (Жена его товарища по коммерческому училищу ему этого потом простить не могла. Её муж при Советской власти отсидел своё).

Отец надел военную форму, когда перешёл на сторону большевиков, вступил в партию и был комиссаром.

...1919 год. С Поливны в грузовике везут снаряды. Отец мой тащится пешком. Ему говорят: «Вы садитесь в кабину...» Отец сначала отказался. Командир тоже не может сесть, если комиссар идёт пешком. Потом папа тихонько говорит: «Вообще-то, если они взорвутся, всё равно всё вокруг разнесёт на куски...»

Тогда они вдвоём сели в кабину и поехали.

До самой смерти папа считал, что Сталин – это злодей, а вот Ленин – это был человек.

Какое-то время папа был гособвинителем ревтрибунала и сбежал оттуда очень быстро. Когда он увидел: осудили человека, и его семья из шести едоков как по покойнику над ним выла... Мой папа не выдержал, сказал: «Всё брошу, уйду... Отпустите!» Отпустили, слава Богу. Это были ещё те времена, когда можно было оттуда безнаказанно уйти.

И пошёл он в газету «Заря», редактором там был Швер, его потом, уже не в Симбирске, посадили и расстреляли.

Швер Александр Владимирович (1898 г., с. Кара-Булак Саратовской губ. – ...), участник революционного движения, журналист. Из семьи фельдшера. Окончил 2-ю гимназию в Симбирске (1916). Поступил в Казанский университет на физико-математический факультет, окончил 2 курса. С первых дней студенческой жизни увлёкся революционной работой. Состоял в большевистской подпольной организации (...) После Февральской революции являлся председателем большевистской фракции всех вузов Казани, первым комиссаром телеграфов и почт Казани во время Октябрьского переворота. Летом 1917 работал в Симбирске вместе с М. Гимовым, И. Варейкисом, В. Фрейманом. Вновь вернулся в Симбирск в декабре 1917. Был членом Симбирской революционной комиссии, с 1918 по 1921 – член губкома и исполкома. В эти годы работал также ответственным редактором газеты «Известия Симбирского Совета...» (1918-1920) (...) В 1923-1924 работал заведующим отделом рабочей жизни в газете «Пролетарский путь» (...)

В 1926 направлен в Казахский обком ВКП(б). Позже работал в Воронеже, Сталинграде (ныне Волгоград), Хабаровске, где редактировал газеты «Воронежская правда», «Сталинградская правда», «Тихоокеанская звезда». В октябре 1937 решением Дальневосточного крайкома за связь с «троцкистско-бухаринскими шпионами» был исключён из ВКП(б), репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии в авг. 1956 (посмертно). Точная дата смерти не установлена.

Г.И. Андреева, Н.В. Забалухина, Л.И. Пономарёва.

Ульяновская-Симбирская энциклопедия, том II, 2004 г.

– Из папиного послужного списка:

Июнь 1919 г. Член редколлегии газеты «Заря».

Июль 1919 г. В составе действующей армии – редактор газеты «Страницы красноармейца».

Потом он об этом времени напишет:
С войной гражданской что сравнится?
Какие бурные года!
«Красноармейские страницы» я редактировал тогда.
И я воспринимал как грозы
Приказы Швера по утрам:
«О казни Либкнехта и Розы
Передовую пишешь сам!»
Пальто в прихожей быстро сбросив,
Ко мне, обычно по ночам,
Звонил Варейкис, сам Иосиф,
Чтоб знать о сводках по фронтам.

Варейкис Иосиф Михайлович (1894, с. Варейкяй Ковенской губ. – осень 1939), общественный деятель. Из крестьянской семьи. Окончил Подольское ремесленное училище. Член РСДРП с 1913, был на партийной работе в Подольске, Екатеринбурге, Донбассе, Кривом Роге. В мае 1918 – товарищ (заместитель) председателя Симбирского губкома и председатель горкома партии, в дек. – председатель Симбирского губкома РКП(б). В июле 1918 принял активное участие в ликвидации муравьевского мятежа, в августе-сентябре в освобождении Симбирска от белогвардейцев, весной 1919 в обороне губернии от колчаковских войск. С именем Варейкиса связано проведение политики «военного коммунизма» в губернии в годы гражданской войны. С авг. 1920 Варейкис на партийной работе в Литве, Центрально-Чернозёмной обл., Туркестане, на Дальнем Востоке. В 1922 – член ЦИК СССР. С 1930 – член ЦК ВКП(б). Погиб во время сталинских репрессий. Одна из улиц Ульяновска носит имя И. Варейкиса.

М.А. Гнутов, В.В. Казюхин.

Ульяновская-Симбирская энциклопедия, том I, 2000 г.

– Папа рассказывал много весёлых случаев из газетной своей жизни. Вот один из них.

У крестьян брали в армию лошадей. У одного крестьянина забрали лошадку. А тот взял и написал Калинину жалобу. От Калинина письмо переправили в Сенгилей с резолюцией: верните крестьянину лошадь или дайте другую взамен. А в Сенгилее – начальником – «братишка», бывший матрос, который Калинину отправил телеграмму: «Дай сам коли она у тебя есть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.